

НАРОДНЫЙ АРТИСТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР ТОФИК АХУНДОВ: «БОЛЬШИЕ НОМЕРА НЕ В МОДЕ»

3/17-80

Ахундов Т.

Впервые в цирк я попал совсем мальчишкой. Было это в Баку, где я воспитывался у деда. Вот он-то и привел меня на первое в моей жизни представление. Особенно запомнился номер В. Дурова.

Дома у нас были собаки, я всегда возился с животными и привык к их окружению. Но дрессированные звери, да такие необычные, как слоны или бегемоты, поразили мое воображение. Яркий, волнующий мир цирка предстал передо мной словно сказка наяву.

Дед мой имел высшее образование, был, как мы сейчас говорим, «технарем». Я хотел, чтобы внук последовал его примеру и стал инженером. После школы, по настоянию деда, я поступил на электротехническое отделение строительного техникума. Но мысли мои были далеки от этой специальности.

Я бредил цирком и уже несколько лет пропадал там целыми днями. К моему частому появлению привыкли билетеры и контролеры, да и зам. директора М. Джабраилов, признав во мне настоящего почитателя цирка, распорядился пропускать меня в цирк беспрепятственно. Я даже пару месяцев постоял в униформе. Это хорошая школа для артиста цирка. Многие признанные мастера начинали с униформы. Если у тебя есть желание и способности, ты в униформе не останешься, будешь искать, придумывать что-то свое.

К этому времени я репетировал свой номер в цирковой группе при швейной фабрике. И хотя мне было лет 15, я считался одним из ее основателей. А случилось это так. Один старый клоун, с которым мы часто встречались в цирке, решил собрать таких вот одержимых цирком подростков под свое крыло. Вместе с ним мы и организовали самостоятельный коллектив, который вскоре получил статус народного цирка.

С детства я подружился со спортом — занимался гимнастикой, борьбой, штангой, но особенно нравилась прыжковая акробатика. Теперь же увлекся эквилибром — репетировал стойки на руках, баланс на вольностоящей лестнице...

Рваться на части становилось все труднее. И я решил бросить техникум, что, конечно, вызвало скандал в семье. Но мне удалось отстаивать свое право на выбор.

Неожиданно поступило заманчивое предложение — из Азербайджанского циркового коллектива. Но что-то меня удержало. Может быть, то, что в мои 16 лет артисты программы казались такими старыми и я не представлял себя в их окружении.

Так получилось, что выступать я начал не в цирке, а на эстраде. Работал в жанре эквилибра, потом подготовил еще один номер — силовую пару. Около трех лет в составе старой программы я колесил по сельским районам Азербайджана. Выступал и под открытым небом, и на уютных сценах домов культуры. Когда прошла первая радость от осознания себя настоящим артистом, понял, что в походных условиях, практически без репетиций, можно думать только о выполнении плана.

Тогда же вдруг осознал, что для серьезного творческого роста необходимо и серьезная подготовка. Я написал письмо в столицу, на 5-ю улицу Ямского поля, 24. На всю жизнь я запомнил адрес ГУЦЭИ.

Весной взял отпуск и поехал в Москву сдавать экзамены. Легко проскочил все три тура и был зачислен на физкультурно-акробатическое отделение. Выпустился с номером соло-эквилибр на мачте. Но работа моя не ладилась. На установку аппарата уходило чуть ли не полчаса, а на репетиции времени не хватало. Ассистент мне был не положен, поэтому постоянно приходилось просить разных людей помочь во время выступления. Помучился я немного, прикинул все и сделал номер с партнершей — парный эквилибр. А в 1970 году подготовил групповой номер в жанре эквилибра. В 1973 году мы получили звание лауреатов Всесоюзного конкурса. Успех окрылил и я решил увеличить число участников номера, усложнить трюки. Так совместно с режиссером В. Плинером был подготовлен единственный в Союзе номер группового ручного эквилибра. Все трюки были авторскими. Я даже выхлопотал авторское удостоверение. Правда, это не очень помогло — мои трюки, как это водится у нас, копировали другие артисты. Правда, самый сложный — финальный — так и не смогли «содрать».

В 1975 году я, наконец, рискнул и подал заявку на номер с животными. Дрессура привлекла меня давно. Но я понимал, что раньше моя заявка просто осталась бы без внимания. Животные, почти все, покупаются за рубежом, стоят немалых денег, к тому же в валюте. Кто отдаст их в неизвестные руки, когда желающих хоть отбавляй. Я же проявил себя, подготовив один номер, второй. Руководство пошло мне навстречу. На режиссерской коллегии утвердили мою сценарную заявку с группой бегемотов и собак.

Почему я выбрал бегемотов? Я собрал информацию и примерно знал соотношение в мировом цирке номеров с животными. Мне было известно, сколько есть номеров со слонами или тиграми. У нас тогда наметился явный перебор дрессированных собачек и медведей, да и групп с хищниками было достаточно. Не примелькались только бегемоты.

Пока мне закупали животных, я не только придумывал трюки. Перечитал всевозможную литературу, где хоть что-то говорится о бегемотах. Прошел стажировку в зоопар-

ках Москвы, Берлина, Лейпцига. Конечно, мои питомцы оказались при ближайшем знакомстве не такими податливыми, как хотелось бы, с природой не поспоришь.

Сразу четырех бегемотов, как планировалось, я не получил. Для начала купили двух. Это были уроженцы ФРГ, но привезли их из австрийской фирмы «Сафари-парк».

Шел 1977 год. Я начал репетировать с бегемотами и собаками. Конечно, лучше было бы, если б вместо собак были обезьяны. Но в то время руководство трясло, когда кто-нибудь заикался о приобретении обезьян. И я не стал даже думать об этом, чтобы зря не терять времени и сил. А остановился на собаках — догах и доберман-пинчерах.

Не прерывая выступлений с группой эквилибристов, я начал готовить новый номер. Хотя некоторые начальники настаивали на том, чтобы я оформил себе репетиционный период. Но как я мог бросить своих партнеров, если они тогда остались бы без работы? Так и возил с собой животных по всем циркам, где мы выступали. Выслушивал нарекания директоров — они любят готовую продукцию. А тут дополнительные расходы на корм, проблемы с размещением, кому нужны лишние хлопоты?!

Да тут еще некоторые артисты-дрессировщики против меня ополчились. Но я был уверен в себе, а уверенность — это большое дело. У меня даже появилась принципиальная злость — покажу на что способен! Почти на всех собраниях, конференциях меня склоняли: «Как могли доверить эквилибристу таких редких животных? Он блохи не дрессировал, а ему сразу бегемотов!» Я не обращал на всю эту возню внимания. Репетировал и вечером, и утром, и днем — была бы только возможность.

Тут выпадает мне разрядка ехать в Курск и работать в программе народного артиста СССР Николая Ольховикова. Я отказываюсь, так как знаю, что он в числе моих недругов и стычка неизбежна. Но изменить ничего не смог. Пришлось ехать.

Ольховиков явного недовольствия не высказывал. Но я чувствовал, что признанный мастер как бы приглядывался к новичку, оценивал его способности. И когда пришла пора расставаться, Николай Леонидович говорит: «Ахундов, я тебя хочу взять с собой в Ригу». Кто же откажется?! Полгода в Риге, вот где можно все довести до ума, да еще под опекой такого артиста!

Так и вышло. Практически там я свой номер и выпустил. И реквизит сделал, и костюмы сшил, и трюки отрепетировал. Правда, комиссия принимала нас в следующем городе — Брянске, но главная работа была проведена в Риге. И, конечно, я очень благодарен Ольховикову за поддержку. Это так важно для начинающих. Помню, как вскоре встретились мы в одной программе с В. Волжанским. Он специально пришел на мою репетицию. Но по ходу работы ни слова не вымолвил. Потом я подошел к нему, он пожал мне руку: «Молодец, Ахундов. Теперь тебе можно давать столько бегемотов, сколько попросишь». Признание большого мастера очень помогало в трудные минуты.

Думаю, что мне очень повезло с женой. Мы познакомились в самый разгар подготовки номера, и Людмила смогла не только понять, но и разделить все мои проблемы. Она быстро вникла во все хозяйственные дела, связанные с содержанием и уходом животных. Стала незаменимым помощником на репетициях и надежным партнером во время выступлений.

В 1980 году пала бегемотиха Пупа. Она с самого начала хворала, как выяснилось, это было врожденное. Наши дрессировщики не имеют выбора, они вынуждены брать, что дают. А когда их труд, по сути, оказывается напрасным, винить в общем некого. Мы с Людмилой очень тяжело переживали эту потерю, но делать было нечего. Пришлось быстро перестроить всю работу в расчете на одну Жужу. К тому времени у меня появились первые обезьяны, что придало новые, яркие краски всему номеру.

В 1983 году для меня купили карликового бегемота. Впервые в практике мирового цирка на арене работал, а не демонстрировался либерийский карликовый бегемот Гугу. Потом мне приобрели еще двух бегемотов из Америки. Группа питомцев пополнялась и, полагаю, что впервые в истории мирового цирка на арене собралась такая необычная компания дрессированных артистов.

Замечу, что между собой звери быстро находят общий язык, а вот на контакт с человеком идут не всегда охотно. Как это объяснить, не знаю. Но они сразу признали в Жуже вожака и во всем ориентировались на нее. Правда, бывало, что нападали на бегемотиху, и она, как козочка, бегала от них по манежу. Чаще всего приходилось разминать сцепившихся обезьян. Уж такие они драчуны. Известно, что напад на леопарда, стадо павианов может рестерзать его. Так что шутки с ними плохи! Поэтому не верьте тем, кто пытается убедить профанов, что дрессировать зверей можно только гуманным способом — словами и лакомством. Если дрессировщик не укротит их нрав, не станет для них авторитетом, ни о какой дрессуре и речи быть не может.

Казалось, Фортуна повернулась к нам лицом. Номер явно радовал зрителя, получил одобрение специалистов, прессы. Мы с успехом дебютировали в Московском цирке на Ленинских горах. Я доказал, что не напрасны были все усилия.

И снова несчастье, да какое! При переезде в Ленинград по вине служащего в загоревшемся фургоне погибли все

бегемоты-новички. Жужа ехала в другом фургоне, поэтому осталась цела.

Меня так ждали в Ленинградском цирке. Там, кстати, всегда очень хорошо организована реклама, телевидение. И вдруг — такое!

И вновь всех выручила умница Жужа. Она словно поняла, что осталась единственной опорой и взяла основную нагрузку на себя. Многие, видевшие нас тогда, говорили, что работа интересная, трюки сильные. Для нас с Людмилой все это звучало слабым утешением, мы очень долго не могли прийти в себя после случившегося. Так много душевных сил было вложено в каждого подопечного, что даже воспоминания о них заставляли сжиматься сердце.

Мне предложили взять еще бегемотов. Но я наотрез отказался. Хватит. Помучился. Фургонов хороших нет. Габариты огромные, как размещать — проблема. Того нет, этого нет. Что мог, за свой счет покупал.

Незадолго до Ленинградской трагедии я не выдержал и послал письмо в «Союзгосцирк». Тогда заместителем по творчеству был В. Носков. Ему и написал, что зрителям номер нравится, а вам никому дела нет, особенно, когда помощь требуется. Сдам животных в зоопарк и буду работать с одним бегемотом... Вот ведь как в жизни бывает, словно накликал беду...

Была у меня идея перестроить номер и вместо огромных бегемотов взять носорога, карликового гиппопотама, обезьян. Но подумал, подумал — опять эти габариты, эти вольеры. Ведь с такой командой куда не поедешь — слишком громоздкое хозяйство.

В 1986 году послали нас в Венгрию. Где бы я там всю свою прежнюю группу разместил? Не знаю! А с одним бегемотом устроился. И работа проходила очень хорошо.

Или недавний пример. Увидел меня японский импресарио Адзума и пригласил на гастроли. Но что вышло! Японцы народ щепетильный. Когда я отправил все документы на животных, выяснилось, что бегемот не проходит по их ветеринарным службам. У нас какой-то кретин записал бегемотов в непарнокопытные, а у японцев в этом отряде, они, естественно, не значатся. Поэтому Жужа остается в Союзе. А я с обезьянами еду в Японию.

Теперь входят в моду небольшие, малогабаритные номера. Вот с обезьянами в этом плане нет проблем: можно работать на любой площадке — на сцене, в вольере. К тому же, скажу я вам, стимул, — важное дело. Как узнал, что поеду в Японию, мне захотелось что-то новое ввести в номер. И вот уже красноярские зрители увидели конкурс красоты. «Мисс Макака-90». Конечно, идея лежала на поверхности, но в исполнении обезьян подобное зрелище принимает совсем другой оборот — пародийный.

На днях руководство «Союзгосцирка» подписало приказ о подготовке моего нового номера с дрессированными орангутангами. Хочется сделать комическую сценку в непосредственном контакте с этими человекообразными. Тогда в одном цирке я смогу работать подряд две программы, ведь в багаже у меня будет три номера, и все разные.

Вот таков он, артист цирка Тофик Ахундов. Постоянно ищущий, что-то доказывающий.

Его творческая судьба, пожалуй, характерна для многих мастеров манежа: освоив один из акробатических жанров, со временем они пришли в дрессуру. И здесь сказали свое слово. Дрессура — это не просто другой жанр, это другой образ жизни. Поэтому посвятить себя ей могут только мужественные, стойкие люди.

Как ему удалось найти общий язык с бегемотами, что он делал, когда не знал, что делать, сколько бессонных ночей ломал он голову над секретами дрессировки — ведомо только ему. Важно, что Ахундов добился своего: переупрямил своих крупногабаритных воспитанниц, заставил их понимать и выполнять команды дрессировщика. Благодаря его стараниям бегемоты стали «звездами» манежа. Ахундову удалось развеять миф об их бесталанности. Обычно этих неуклюжих громадин использовали лишь как статистов для украшения группы экзотических животных. Новоявленный дрессировщик бросил вызов устоявшемуся мнению и вывел своих питомцев в солисты.

Тем обиднее, что из-за ряда нелепых случайностей опытный мастер вынужден отказаться от работы с этими животными, оставив только любимицу Жужу. И ведь камнем преткновения стали не трудности дрессировки, а неустроенность быта животных, сложности с их содержанием. Дрессировщик в таких случаях оказывается в самом невыгодном положении — животных он уже получил и затратил много сил и времени на их обучение, а решить хозяйственные вопросы не в состоянии. В результате происходят несчастные случаи, но все остается по-прежнему. И кто упрекнет человека, потерявшего надежду на какие-либо изменения?

Времена меняются — на голом энтузиазме долго не удержишься. И дрессировщики, приспособившись к обстоятельствам, стремятся сократить свое хозяйство, уменьшить хлопоты, связанные с содержанием большого количества крупных животных. Хорошо ли это? Всегда ли, шагая в ногу со временем, искусство выигрывает. Будущее, конечно, покажет. Но будущее, как известно, начинается в настоящем.